





» \*1  
 15 , 10 1640 , 8  
 .2t. , , —  
 , , XVIII  
 , , XIX  
 4 — 3 —  
 1 2>  
 » , «  
 »26 «  
 ?  
 :  
 1690 .  
 : « , ,  
 , ,  
 >1 . : «... » .  
 " , , , 28  
 , , —  
 : « ... —  
 , 160 (1(652) , -  
 196 (1688) , ,  
 , 197 , ...  
 , 160 -  
 , ... -  
 , , , , » .  
 37 , , , , , -  
 , , , , , -  
 « » .  
 : , , XVII  
 , , , , , -  
 , 30. -  
 , , , , , -  
 , , , , , -  
 « » , . , -

- 23 236, . 75.
- 47. 1640 ,, ,, 1880,
- 25 . , , . 72, 95, 129, 151.
- 26 . , , . 46.
- 27 181 ( . 234), .19 ( — . 3.).
- 28 538 ( . 184), . 9.
- 29 38 ( . 184), . 14.
- 30 257, . 23.

хорошего, среднего и плохого скота. Упоминание одного из документов: «и у розделки взяли у него Бакунайка добрым и средним и плохим скотом по третям сто тридцать скотин»<sup>31</sup> — является типичным.

Обычно переговорами об уплате анзы и ее размере предшествует угон скота потерпевшими у обидчиков или их ближайших родственников, что вынуждало последних идти на мировую. Во-первых, нередко угонялось большее количество скота, чем полагалось в качестве выкупа, во-вторых, постоянные набеги и похищения лишали обидчика возможности вести нормальное существование. В 1692 г. бурят Ануй обвинял бурят Ользонского рода в отгоне у него из табуна 50 лошадей. Ответчики, оспаривая размер иска, признавали факт ночного нападения, объясняя его похищением у них скота Анюем. Судя по существовавшей традиции, их заявления, что они «брали за свои кони за кобылу кобылу, за коня конь», едва ли соответствует истине<sup>32</sup>. Заключению мировой по делу об убийстве в 1693 г. буряты Негугаева предшествовал угон скота у убийцы<sup>33</sup>. Бурят Бохон Буруев жалуется на Бочехона Бухуруева, что последний, заподозрив его в краже лошади, «приехал с родом своим, угнали у него Бохонка осмнадцать лошадей да рогатого скота осмнадцать же скотин»<sup>34</sup>. Не довольствуясь таким количеством скота, Бочехон «отнял сильно» у истца его сноху. На угон скота как на своего рода процедурную меру, предшествовавшую заключению мировой, прямо указывают в своем челобитии буряты Онкоетовского рода «А ныне проведали подлинно, что убил он Молахайко. И по своему буряцкому изычаю отогнали мы, холопи ваши, у племянника его Кудьгунка табун лошадей, чтобы они за тем табуном пригнались и учинили с нами мир»<sup>35</sup>.

Спорные дела решались двумя способами — третейским разбирательством и дачей шерти (присяги) на священных местах. В первом случае избирались одно или несколько лиц — «общая правда», на которых полагались обе стороны. Этот способ выяснения истины был, повидимому, не всегда надежен. Так, при разборе дела по обвинению буряты Харина в убийстве все три посредника дали первоначально показания в пользу ответчика. Но уже на следующий день они подтвердили факт убийства, объяснив свое поведение тем, «что вчера они сказали неправду для того, что говорили де им Култуну с товарищи братские люди, его Хариновы сородичи и хлебоядцы, идинской братцой мужик Сосой Багунов с товарищи, чтоб де его Харина в допросе поберечь и подобить»<sup>36</sup>. Можно предполагать, что человек, имевший зависимых от него «хлебоядцев», мог подкрепить просьбы своих сородичей и соотвествующими случая дарами, влиявшими на беспристрастность «общей правды».

Более распространенной процедурой для определения виновности являлось принесение шерти. Повидимому, наиболее почитаемым местом для шертования был «Усть-Ангарский камень» (он же «Шеманский камень на морской стреме») — скала, стоящая посреди Ангары в ее истоке; еще и в недалеком прошлом служившая бурятам для дачи клятвы. Но упоминаются и другие места для шертования: шаманский камень ниже Верхоленска<sup>37</sup> и «Колон озеро»<sup>38</sup>. Выбор места для дачи шерти зависел от местожительства тяжущихся и традиции. На силу традиции указывает значительно более поздний документ — приговор, вынесенный в 1823 г. главной контрольной Верхоленского ведомства по тяжбе некоего Бодонцова с шуленгой Кужинным: «...привесть по иноверческому обряду к Божбе на шаманском месте, где пожелает проситель Бодонцов, но токмо где с издревле положено оные бывшим старейшинством в том же Верхоленском ведомстве называемых, выше Верхоленска и внутри ведомства в трех местах, а не в другом каком, ибо и по нашему братскому закону считается во вред опущать божбу куда-либо в постороннее место»<sup>39</sup>. Обряд шертования описывается следующим образом: «...и тот ясашный верхоленской Бакунайка у того шаманского камени по своей вере клялся и тот камень обымал»<sup>40</sup>. Этот обряд сохранялся, судя по позднейшим этнографическим описаниям, вплоть до того времени, когда самое шертование стало отходить в область преданий.

Чрезвычайно интересно, что к шертованию приводился не сам ответчик или истец, а один из ближайших его родственников. Хотя шуленги нескольких родов в ответ на запрос осторожной администрации показали, что «у них де иноземцов так водитца, что де в воле бывает у истца, хотя сам к шерти поедет или кого пошлет»<sup>41</sup>, но во всех документах, где речь идет о шерти, в качестве шертовальщиков фигурируют родственники тяжущихся. По делу о покраже овцы бурятом Гулюгуном к даче шерти был назначен его племянник Дарбай, но, поскольку последний отсутствовал,

<sup>31</sup> № 301 (ст. 432), л. 58.

<sup>32</sup> № 250, л. 6—9

<sup>33</sup> № 301 (ст. 432), л. 56

<sup>34</sup> № 182 (ст. 236), л. 3.

<sup>35</sup> № 181 (ст. 234), л. 9.

<sup>36</sup> № 257, л. 10.

<sup>37</sup> № 405 (ст. 521), л. 27.

<sup>38</sup> № 203, л. 25.

<sup>39</sup> Гос. архив Бурят-Монгольской АССР, ф. 4, № 1447, л. 35.

<sup>40</sup> № 143 (ст. 271), л. 24.

<sup>41</sup> № 405 (ст. 521), л. 95.

он был заменен братом ответчика<sup>42</sup>. Истец Ильбей послал к «божбе» своего брата<sup>43</sup>. По иску бурята Ченоруцкого рода Бакуная Алакова с бурята «Хенкыдырского рода» Тургана Музнова в 16 головах скота, недоданного в приданое, «к шерти был приговорен» дядя ответчика Турбей Болоев<sup>44</sup>. Бурят Буяновского рода Баран Батахаев, возбуждая иск в покраденной овце, послал к шерти своего племянника<sup>45</sup>. Лишь в одном деле ответчик изъяснял согласие явиться сам к шертованию и настаивал на личной же явке истца, но последний отговорился тем, что «приводить к шерти его, ответчика, своего холопа или сородича пошлет»<sup>46</sup>.

В приводе к шерти сородича нетрудно обнаружить живые черты родового строя. Но обособление семьи, естественно сопутствовавшее разложению родового строя, которое к XVII в. зашло у бурят-монголов уже очень далеко, вызвало ограничение круга лиц, могущих шертовать за своего сородича, его ближайшими родственниками. Однако такое ограничение было, повидному, недавнего происхождения. В этом свете показателен конфликт, возникший при посылке к шерти Алехчином Батахаевым, обвиненным в убийстве, некоего Машки Бакунаева. Истец отвел эту кандидатуру, ссылаясь на то, что Машка не состоит в близком родстве с Батахаевым. Были запрошены шуленги, которые разошлись во мнениях. Шуленга Ашахабатского рода признал Машку правоспособным, ибо он с ответчиком «одного роду, одной пятидесяти»<sup>47</sup>. Шуленга же «Кугурдеева роду» не согласился со своим коллегой: «А бакунаеву сыну Машке за ответчика Олекчиника к шерти итти нельзя для того, что де в их братских правах за убитого человека давать к шерти из ближних родственников, а не из дальних»<sup>48</sup>. В результате для дачи шерти было назначено другое лицо.

Право на шертование за сородича ограничивалось одним разом, но лишь в случае выступления по делам равного значения. В споре между ответчиком и истцом о назначении к шерти Шебухана Буркиева первый утверждал: «дать его, Шебуханка, нельзя, потому что де по их братским извечаям один человек также за одного человека в другой ряд к шерти не ходит». Но истец возражал: «для чего ему, Шебуханку, о человеке не шертовать, по лошади де он, Шебуханко, за него ответчика шертовал». К этому последнему суждению присоединились и запрошенные по делу шуленги<sup>49</sup>.

Существовало еще одно ограничение, обуславливавшееся взглядом на шертование как на тяжелое и ответственное дело: старики, как правило, к шерти не допускались. «...а старым де было Кучейку и его ответчикову брату Галюганке к шерти нейти,— говорится в одном документе<sup>50</sup>.

Весьма многочисленны случаи неявки к шерти, рассматривавшиеся как свидетельство вины. Примером может служить следующее заключение: «А Бакуйнака Алаков сродича своего к божбе в том приданном скоте божитца не привел... И по сыску ему Бакунайку в том деле отказано против братских прав»<sup>51</sup>. Аналогична жалоба Барана Батахаева на непривод его племянника истцом к шерти<sup>52</sup>. Иногда уклонение от шертования сопровождалось признанием вины и заключением мировой. Так, в 1690 г. «мунгальские выходцы» Гаму-батор с товарищами украли у мунгальского же выходца Ухутая Гумурзина три коровы. По челобитью пострадавшего воры были приготовлены к даче шерти. «И они «Гаму-батор и зайсан с товарищи, зная кражи своей вину, к шерти не пошли, а отдали они три ж коровенки»<sup>53</sup>. О страхе перед последствиями шертования и о серьезном отношении к этому акту свидетельствует заявление группы бурят; «...у нас де того мужика, который к шерти идет, из юрты не пушают, потому что де по нашей вере дело большое»<sup>54</sup>.

Приведенные данные частично восполняют пробел в изучении обычного права западных бурят, освещаая его нормы, сложившиеся в тот период, когда пережитки родовых отношений еще играли большую роль в жизни бурятского общества.

<sup>42</sup> № 203, л. 25.

<sup>43</sup> № 201 (ст. 514), л. 113.

<sup>44</sup> № 405 (ст. 521), л. 95.

<sup>45</sup> Там же, л. 14.

<sup>46</sup> Там же, л. 32.

<sup>47</sup> № 450 (ст. 598), л. 11.

<sup>48</sup> Там же, л. 19.

<sup>49</sup> Там же, л. 3, 4, 10, 11.

<sup>50</sup> № 203, л. 25.

<sup>51</sup> № 405, (ст. 521), л. 27.

<sup>52</sup> Там же, л. 14.

<sup>53</sup> № 236, л. 75.

<sup>54</sup> № 145 (ст. 271), л. 24.